

ДЖЕФФРИ СКОТТ

ИСХОДНЫЙ КОД НЕНАВИСТИ

18+

Джефффри Скотт

Исходный код ненависти

«Автор»

2026

Скотт Д.

Исходный код ненависти / Д. Скотт — «Автор», 2026

Они думали, что умеют взламывать системы. Но однажды им пришлось столкнуться с системой, которая взламывает людей. Тимофей — обычный таксист из Ростова-на-Дону. Леша — талантливый программист в Калифорнии. Костя — DevOps-инженер, живущий среди серверов и проводов. Дима — морской ИТ-специалист, исчезающий из цифрового поля где-то между портами и океанами. Четверо друзей детства давно стали легендой теневого интернета: они находят мошенников, шантажистов, торговцев человеческой болью тех, кто привык оставаться безнаказанным. Семья Тимофея становится жертвой травли из-за веры. Сначала увольнение отца. Потом ненависть соседей. Затем коктейль Молотова, летящий в окно квартиры его родителей. Тимофей понимает: это не случайная агрессия и не бытовая злоба. Кто-то методично превращает обычных людей в оружие. «Исходный код ненависти» — это напряженный технотриллер о хакерах, пропаганде, религиозной свободе и цене правды, о том, как информационные войны начинаются со слов, повторенных много раз.

© Скотт Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Исходный код ненависти

От автора

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Глава 1. Братство спальных районов

Октябрьский ветер гнал по улицам Ростова-на-Дону мокрую листву и мелкий, колючий дождь. Желтая «Шкода» с шашечками такси медленно катилась вдоль глухого бетонного забора на окраине Западного жилого массива. За рулем сидел Тимофей. Он не смотрел на дорогу — его внимание было приковано к экрану смартфона, закрепленного на приборной панели, и к неприметному трехэтажному зданию из серого кирпича, скрытому за деревьями. На фасаде не было ни одной вывески. Окна второго и третьего этажей плотно закрывали жалюзи, сквозь щели которых пробивался холодный люминесцентный свет.

В наушнике Тимофея раздался ровный, чуть искаженный расстоянием голос:

— Я на позиции. Пинг стабильный, хотя нас тут немного качает. Волнение балла три.

Это был Дима. В данный момент он находился где-то в международных водах одного из районов Южно-Китайского моря, сидя в серверной грузового судна дедвейтом около восьмидесяти тысяч тонн. Его спутниковый канал обеспечивал группе дополнительный слой прикрытия: геолокация канала менялась вместе с маршрутом судна, а обратное отслеживание становилось намного сложнее, хотя не исчезало полностью.

— Принято, мореман, — отозвался другой голос, быстрый и резкий. Костя. Он находился всего в десяти километрах от Тимофея, в своей захлавленной квартире на Северном, окруженный гудящими системными блоками.

— Я поднял резервные туннели через Исландию и Панаму. Леха, что у тебя с пейлоадом?

— Все готово, — мягко прозвучал третий голос. Леша говорил тихо, чтобы не разбудить соседей по кондоминиуму в Маунтин-Вью, Калифорния. У него было раннее утро. — Жду только физического подтверждения. Тима, ты видишь цель?

Тимофей приглушил двигатель и опустил боковое стекло. В нос ударил запах сырого асфальта и гниющей листвы.

— Вижу. Курилка на заднем дворе. Трое вышли на перекур. Один из них — наш клиент. Синяя куртка, бейджик на ленте.

Это была операция против колл-центра, который последние полгода методично вычислял банковские счета пенсионеров под видом «службы безопасности государственного банка». Группа вышла на них случайно: две недели назад в такси к Тимофею села пожилая женщина, которая всю дорогу плакала, рассказывая кому-то по телефону, что перевела все свои сбережения на «безопасный счет». Тимофей не взял с нее денег за проезд. Вместо этого он записал номер телефона, с которого ей звонили, и передал его Косте.

Дальше началась рутина, отточенная годами совместной работы. Костя пробил номер через слитые базы данных, нашел цепочку IP-телефонии и вышел на провайдера, обслуживающего серое здание на окраине Ростова. Леша написал специализированный софт, который должен был не просто положить сеть мошенников, а выгрузить всю их внутреннюю базу: скрипты

разговоров, списки жертв, записи звонков и, самое главное, реквизиты дропов — подставных лиц, через которых выводились деньги.

Но для запуска программы нужен был доступ к внутреннему сегменту сети здания, которая не светилась наружу.

Тимофей вышел из машины. Он накинул капюшон, сунул руки в карманы куртки и неспешным шагом направился к металлической калитке, ведущей на задний двор. В правом кармане лежал небольшой считыватель размером с пачку сигарет, настроенный на проверку уязвимых пропусков старого образца.

Он прошел мимо курящих парней, сделав вид, что ищет нужный адрес в телефоне. Расстояние сократилось до полуметра. Устройство в кармане коротко завибрировало — устройство считало слабый идентификатор с бейджика парня в синей куртке.

— Есть контакт, — тихо сказал Тимофей, возвращаясь к машине. — Костя, лови дампы ключа.

Через сорок секунд Костя проверил, действительно ли старый пропуск дает доступ к служебному сегменту, и подтвердил уязвимость.

— Я внутри. Леха, твой выход.

Леша из Калифорнии запустил свой код. Это не было грубым взломом. Программа Леша работала изящно, как скальпель хирурга. Она не лезла вслепую, а фиксировала признаки доступа, собирала цифровые следы и подтверждала, где именно хранятся рабочие данные мошенников.

— Пошла загрузка, — констатировал Леша. — База огромная. Десятки тысяч записей. Я параллельно готовлю зашифрованную копию для журналистов и отдельный пакет материалов для подразделения по борьбе с киберпреступлениями.

— А теперь десерт, — усмехнулся Костя. — Готовлю безопасную блокировку их внешних каналов. Пусть объясняют клиентам, почему «служба безопасности» внезапно перестала отвечать.

Через пять минут свет в окнах второго этажа мигнул. Из здания послышались крики. Рабочие линии колл-центра посыпались, часть операторских машин ушла в отказ, а списки транзакций уже летели на почтовые ящики следователей и репортеров местных изданий.

Тимофей завел двигатель и плавно отъехал от обочины.

— Отличная работа, парни. Еще один мусорный бак вычищен.

Они не взяли себе ни копейки из тех миллионов, что проходили через счета мошенников. Это было их главным правилом. Принципом, который сформировался задолго до того, как они стали легендами даркнета. Принципом, рожденным на пыльных улицах Ростова-на-Дону в конце девяностых.

Их детство пришлось на время, когда старые правила уже не работали, а новые еще не были написаны. Спальные районы Ростова — бесконечные ряды панельных девятиэтажек, пустыри, заросшие амброзией, и гаражные кооперативы — были суровой школой жизни. Здесь уважали силу. Спортивные костюмы, короткие стрижки, разбитые костяшки пальцев.

Но четверо друзей, знакомых с первого класса обычной общеобразовательной школы, быстро поняли: чтобы выжить и не стать шестерками у местных авторитетов, нужно быть не физически сильным, а умным.

Их убежищем стал компьютерный клуб «Матрица» в подвале жилого дома. Там пахло озоном от пузатых мониторов, дешевыми сухариками и сыростью. Пока остальные подростки сутками резались в стрелялки, просаживая карманные деньги, эта четверка смотрела глубже. Игры им быстро надоели. Их интересовало то, как эти игры работают. Как устроены сети, соединяющие компьютеры. Как можно получить права администратора и играть бесплатно.

Они учились на ходу. Леша первым освоил программирование, читая потрепанные книги по C++, купленные на книжном развале. Костя собирал из выброшенных на свалку деталей

рабочие системные блоки и экспериментировал с операционными системами. Дима, чей отец был радиолюбителем, разбирался в протоколах передачи данных и пайке микросхем. А Тимофей... Тимофей умел договариваться.

Именно Тимофей однажды спас их от серьезных проблем. Местная шпана решила обложить «данью» завсегдатаев компьютерного клуба. Когда очередь дошла до них, Тимофей не стал лезть в драку. Он просто упомянул, что знает, кто именно слил информацию о тайнике с краденными магнитолами участковому на прошлой неделе. Он блефовал лишь наполовину — он действительно слышал разговор двух парней за соседними компьютерами. Шпана отступила.

В тот день они осознали главную истину: информация — это самое мощное средство защиты. Тот, кто контролирует данные, контролирует ситуацию.

Они росли, и их навыки развивались вместе с технологиями. От взлома локальных сетей провайдеров ради бесплатного интернета они перешли к более сложным задачам. Они стали братством, объединенным не только общим прошлым, но и общим кодексом чести. В девятые многие их ровесники пошли по кривой дорожке, став бандитами или наркоторговцами. Четверка выбрала другой путь. Они видели, как обманывают простых людей, как рушатся судьбы из-за финансовых пирамид и рэкета. И они решили, что их знания будут служить другой цели.

«Никогда не бить по тем, кто не может ответить». Это стало их негласным девизом.

Спустя годы их пути разошлись географически, но связь стала только крепче. Каждый из них превратился в уникального специалиста, чье имя (или, точнее, сетевой псевдоним) произносили с уважением на закрытых хакерских форумах.

Леша совершил невероятный рывок. После школы он не стал поступать в местный технический вуз, считая программу безнадежно устаревшей. Вместо этого он прошел жесточайший отбор в знаменитую французскую ИТ-школу 42. Кампус в Париже стал для него новым домом. Там не было преподавателей, лекций и оценок. Только метод полного погружения, проектная работа и взаимная проверка кода. Леша выжил в «Бассейне» — месячном испытании на выносливость, где студенты программировали по шестнадцать часов в сутки.

Его талант заметили быстро. Сейчас он работал в одном из кампусов Google в Маунтин-Вью, Калифорния, занимаясь проектированием сложных систем обработки данных. Но это была лишь его дневная работа. Ночами Леша писал софт для тех, кому нужна была защита. Он создал инструмент для анонимной связи, который использовали независимые журналисты в авторитарных странах и активисты, борющиеся с коррупцией. Его код в профессиональной среде считался эталонным — чистым, логичным, почти математически совершенным. В тусовке говорили: «Если Леша написал софт — его будут изучать еще десять лет». Однажды он нашел критическую уязвимость в системе крупного международного банка. На черном рынке за эту информацию предлагали сотни тысяч долларов. Леша отправил отчет в службу безопасности банка анонимно и бесплатно.

Дима выбрал совершенно иную жизнь. Его всегда тянуло к морю. Окончив мореходное училище, он стал специалистом по ИТ-инфраструктуре на крупных коммерческих судах. Раз в полгода он уходил в длительные рейсы, пересекая океаны на гигантских контейнеровозах. Для хакерской группы Дима был бесценным активом. Он имел легальный доступ к международным спутниковым системам связи.

Пока Дима находился в море, его цифровой след растворялся. Он умел маршрутизировать трафик так, что запросы группы терялись среди легального судового обмена данными и спутниковых шлюзов. Однажды, во время прохода через один пролив, навигационная система его судна подверглась атаке — кто-то пытался исказить данные спутниковой навигации, из-за чего судно могло отклониться от безопасного маршрута. Дима за двадцать минут изолировал зараженный сегмент сети, переключил экипаж на резервные средства навигации, сверил курс

по независимым источникам и помог капитану удержать судно на безопасном маршруте. О нем в сети ходила поговорка: «Пока Дима в море — его будто вообще не существует».

Костя остался в Ростове. Он был самым практичным, приземленным и «грязным» технарем из всей четверки. Работая DevOps-инженером в местной ИТ-компании, он знал изнанку корпоративных сетей как свои пять пальцев. Костя специализировался на инфраструктуре. Если Леша создавал изящные инструменты, то Костя строил для них полигоны.

Он мог за одну ночь развернуть сеть серверов в трех разных странах, настроить многоуровневое шифрование и подготовить плацдарм для атаки или защиты. Он мыслил категориями отказоустойчивости и резервирования. Про него шутили: «Если интернет переживет конец света — значит, Костя уже поднял резерв». Его квартира напоминала серверную: повсюду тянулись кабели, мигали индикаторы коммутаторов, а гул охлаждающих вентиляторов не смолкал ни на секунду. Костя был тем, кто обеспечивал техническую реализацию любых, даже самых безумных планов группы.

И, наконец, Тимофей. Человек, который на первый взгляд меньше всего подходил под описание элитного хакера. У него не было диплома престижного университета, он не писал гениальный код и не настраивал кластеры серверов. Он работал таксистом в Ростове.

Но в их команде Тимофей выполнял самую сложную и непредсказуемую работу — он был интерфейсом между цифровым миром и физической реальностью.

Люди в такси расслабляются. Они воспринимают водителя как часть интерьера, как функцию. Они говорят по телефону о любовницах, о взятках, о серых схемах обналичивания денег. Они называют имена, адреса и суммы. Тимофей слушал. Он обладал феноменальной памятью на лица, номера машин и детали разговоров.

Из-за историй, которые он слышал от пассажиров, и из-за того, что происходило с его собственными знакомыми, Тимофей особенно ненавидел травлю, клевету и манипуляции. Он вычислял сетки фейковых «экспертов», которые за деньги уничтожали репутацию конкурентов по бизнесу. Он находил организаторов заказных кампаний в прессе. Про него говорили: «Тима не самый технарь. Но если он сел за руль — через неделю знает весь город».

Тимофей был глазами и ушами группы. Если Леша, Костя и Дима могли взломать любую базу данных, то Тимофей мог найти человека, у которого есть пароль от этой базы, узнать, в каком кафе он пьет кофе по утрам, и сесть за соседний столик.

Их репутация в даркнете была парадоксальной. С одной стороны, их уважали за высочайший технический уровень. С другой — многие радикальные группировки считали их «слишком принципиальными» и даже странными.

В мире, где информация продавалась за биткоины, а кибернаемники работали на тех, кто больше платит, эта четверка отказывалась от самых прибыльных заказов. Они принципиально не работали на наркокартели. Они игнорировали предложения о сотрудничестве от торговцев людьми и оружием. В их кругу считалось абсолютным позором участвовать в кибератаках на гражданскую инфраструктуру — больницы, электростанции, системы водоснабжения.

Они были цифровыми Робин Гудами, хотя сами ненавидели этот пафосный термин. Они просто делали то, что считали правильным.

В марте 2021 года их принципы прошли серьезную проверку. На одном из закрытых теневых форумов, известном как ShadowMarket, появился новый раздел. Там торговали не просто украденными кредитными картами, а личными данными: медицинскими картами с диагнозами, интимными фотографиями, переписками. Администраторы форума поставили процесс на поток — они связывались с жертвами и требовали выкуп за непубликацию данных.

Одной из жертв стала молодая учительница из Ростова. Кто-то взломал ее облачное хранилище и скачал личные фотографии многолетней давности. Шантажисты требовали сумму, равную ее трехлетней зарплате, угрожая разослать снимки всем ученикам и коллегам. Девушка была на грани самоубийства. Информация об этом дошла до Тимофея через знакомых.

Группа взялась за дело не раздумывая.

Это была классическая комбинированная операция. Костя начал с анализа сетевого трафика форума. ShadowMarket прятался за многослойной защитой в сети Tor, используя цепочку зеркал и анонимизирующих прокси. Но администраторы совершили ошибку — они использовали один и тот же криптокошелек для приема платежей от жертв и для оплаты хостинга своих серверов.

Леша написал скрипт, который проанализировал блокчейн-транзакции и выявил закономерности. Они вышли на один из технических узлов, размещенный в дата-центре в Нидерландах. Но просто уничтожить сервер было мало — у шантажистов наверняка были локальные резервные копии. Нужно было добраться до главного администратора.

Дима, находясь в рейсе у берегов Южной Америки, помог сопоставить открытые технические следы и время обслуживания узла. Он выяснил, что администратор форума регулярно подключается к серверу для технического обслуживания с IP-адреса, принадлежащего провайдеру в Краснодаре.

Здесь в игру вступил Тимофей. Он взял отгул, сел в свою «Шкоду» и поехал в соседний город. Костя сузил зону поиска до одного многоквартирного дома, анализируя время активности администратора и задержки до сетевых узлов и повторяющиеся окна активности.

Тимофей провел в машине двое суток. Он наблюдал за подъездом, сопоставляя выходящих людей с графиком активности на форуме. Наконец, цель была установлена — неприметный парень лет тридцати, который каждый день ровно в 14:00 выходил за кофе в соседнюю пекарню.

Тимофей зашел в пекарню следом за ним. Пока парень ждал свой капучино, уткнувшись в телефон, Тимофей сел за столик в метре от него. В рюкзаке Тимофея работал портативный анализатор радиосреды. Когда парень подключился к открытой сети кафе, чтобы проверить почту, устройство Тимофея зафиксировало совпадение цифровых следов с теми, что Костя видел на форуме.

Этого было достаточно. Леша и Костя поняли, что перед ними действительно администратор, и начали готовить пакет доказательств, не раскрывая источники.

То, что они сделали дальше, стало легендой на теневых форумах. Они не стали описывать свою работу даже в закрытом чате: слишком многое могло навредить жертвам. В результате форум потерял инфраструктуру, доступ к архивам был заблокирован, а финансовые следы администраторов оказались задокументированы.

Они могли забрать себе сотни тысяч долларов в биткоинах. Вместо этого они потратили трое суток на то, чтобы идентифицировать транзакции жертв шантажа и помочь установить цепочки платежей, и передать данные тем, кто мог вернуть деньги законным путем. Остальные следы они передали через доверенный канал журналистам и юристам, чтобы деньги шантажистов не исчезли в тени.

Форум ShadowMarket перестал существовать. Администратор, потерявший все деньги и данные, исчез из сети. Учительница из Ростова так и не узнала, почему шантажисты внезапно перестали ей писать, а позже ей сообщили, что часть переведенных денег удалось вернуть через официальную процедуру.

В даркнете после этого случая долго обсуждали произошедшее. Кто-то называл их сумасшедшими, отказавшимися от легких денег. Кто-то пытался их вычислить. Но большинство усвоило урок: есть черта, которую лучше не переходить, потому что где-то в сети работают люди, для которых справедливость важнее прибыли.

Дождь в Ростове не прекращался. Тимофей припарковал такси у своего подъезда, заглушил двигатель, но выходить не спешил. В салоне было тепло и тихо.

Он достал телефон и открыл защищенный мессенджер. В групповом чате висело сообщение от Леши: «Логи колл-центра ушли в прессу. Завтра у них будут веселые утренние новости».

Костя ответил стикером с изображением горящего мусорного бака.

Дима прислал короткое: «Отбой. Ухожу со связи на 12 часов, входим в зону шторма».

Тимофей улыбнулся, глядя на экран. Четыре человека, разбросанные по всему миру. Программист из Кремниевой долины, моряк посреди океана, системный инженер в соседнем районе и таксист в спальном массиве Ростова. У них не было офиса, не было начальников и официального статуса. Но у них было нечто большее — абсолютное доверие друг к другу и общее понимание того, что такое хорошо и что такое плохо.

Они выросли на улицах, где закон часто был лишь пустым звуком, а справедливость приходилось отстаивать кулаками. Теперь их кулаками стали строки кода, маршрутизаторы и социальная инженерия. Они научились защищать тех, кто не мог защитить себя сам.

Тимофей откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, слушая, как капли дождя барабаният по крыше машины. Очередная локальная победа. Очередная спасенная судьба. Система работала, но Тимофей уже понимал: безупречных методов не бывает — бывают только люди, готовые отвечать за последствия.

Но в воздухе уже висело едва уловимое напряжение. Мир вокруг них менялся, становился жестче, нетерпимее. В новостях все чаще звучали агрессивные лозунги, люди на улицах смотрели друг на друга с подозрением. Тимофей чувствовал это каждый день, слушая разговоры своих пассажиров. Градус ненависти в обществе медленно, но верно полз вверх.

Он еще не знал, что очень скоро их принципы, их дружба и их навыки подвергнутся самому страшному испытанию. Что зло, с которым они привыкли бороться локально, имеет глобальные масштабы и конкретные имена. И что следующий удар будет нанесен не по абстрактным жертвам мошенников, а по самым близким ему людям.

Тимофей выключил телефон, накинул капюшон и вышел под холодный ростовский дождь. Ночь только начиналась.

Глава 2. Линия разлома

Февраль 2022 года расколол цифровой андеграунд так же стремительно, как и физический мир. Теневые форумы, которые годами служили нейтральной территорией для обмена эксплойтами, продажи баз данных и обсуждения архитектуры сетей, в одночасье превратились в виртуальные окопы. Привычная коммерческая логика даркнета рухнула, уступив место агрессивной идеологической мобилизации.

Тимофей сидел в салоне своей припаркованной «Шкоды» на окраине Ростова, глядя на тускло светящийся экран защищенного ноутбука. В наушниках висела тишина, прерываемая лишь легким статическим треском — Костя настраивал резервное защищенное соединение для их экстренной голосовой конференции.

— Все в сборе? — голос Леши из Калифорнии звучал глуше обычного, лишенный привычной легкой иронии.

— На связи, — коротко отозвался Дима. Судя по задержке сигнала, его контейнеровоз находился где-то в Южном полушарии, пробиваясь через спутниковые ретрансляторы.

— Я тоже здесь, — сказал Костя. На заднем фоне у него гудели кулеры серверной стойки.

— Леха, рассказывай, что за срочность. Меня уже третий час долбят в личку админы с «Красного Сектора». Требуют открыть наши резервные туннели.

Тимофей нахмурился. «Красный Сектор» был одной из самых крупных и радикальных хакерских группировок в русскоязычном сегменте. До этого дня их отношения сводились к

нейтральному паритету: группа Тимофея не лезла в их дела, а радикалы уважали их технический уровень и не пытались вербовать.

— Они вышли на меня напрямую, — медленно произнес Леша. — Предлагают статус привилегированных партнеров. Им нужен мой софт для маршрутизации и Костина распределенная инфраструктура.

— Для чего? — спросил Тимофей, хотя уже догадывался об ответе. — Они готовят массированную атаку на гражданскую инфраструктуру одной страны. Цели — диспетчерские службы скорой помощи, системы водоочистки в крупных городах, логистические узлы доставки продовольствия. Они хотят положить сети больниц. Требуют, чтобы мы предоставили доступ к нашим закрытым данным об уязвимостях в SCADA-системах.

В эфире повисла тяжелая пауза. Каждый из четверых понимал, что означает этот запрос. Это был не просто взлом ради денег или кража корпоративных секретов. Это было прямое участие в уничтожении систем жизнеобеспечения мирных людей.

— Я проверил логи по морским портам, — тихо добавил Дима. — Они уже пытаются создавать помехи для навигационных систем гражданских сухогрузов. Если они выведут из строя портовые диспетчерские сервисы, риск аварий резко вырастет. Это сотни жизней.

— Мой ответ был отрицательным, — жестко сказал Леша. — Я не пишу код для того, чтобы останавливать работу больниц. Но они не приняли отказ. Сказали, что сейчас нет нейтральной полосы. Либо мы с ними, либо мы — предатели и враги.

Костя грязно выругался.

— Пусть идут к черту. Мы никогда не били по тем, кто не может ответить. Это наше правило. Больницы? Водоканалы? Это уже не хакинг, парни. Это цифровой терроризм. Я прямо сейчас обрубаю все мосты. Отзываю старые ключи, закрываю внешние входы и перевожу шлюзы на резервные адреса. Мы уходим в глухую оборону.

Тимофей смотрел на капли дождя, стекающие по лобовому стеклу.

— Делай, Костя. Руби всё. Нас назовут слишком принципиальными, нас выкинут с элитных бордов, но мы не станем соучастниками этого безумия.

В течение следующих суток радикальная часть хакерской сцены объявила им бойкот. На закрытых форумах появились треды, где их команду клеймили как «отработанный материал» и «предателей». Часть их старых контактов, с которыми они годами обменивались технической информацией, просто перестала выходить на связь, испугавшись ассоциаций с «неблагонадежными». Для четверых друзей это означало потерю огромного пласта информации и инструментов, но ни один из них не пожалел о принятом решении. Они сохранили свои принципы.

Однако, если в цифровом мире Тимофей мог просто нажать кнопку и разорвать связи с источником ненависти, то в физической реальности Ростова-на-Дону сделать это было невозможно.

Город менялся на глазах. С началом войны улицы заполнились агрессивной символикой. Из открытых окон автомобилей неслись милитаристские марши и истеричные голоса радиовещателей, требующих жестких мер против любых несогласных. Общество, подогреваемое круглосуточными телевизионными эфирами, стремительно поляризовалось. И эта волна ненависти, искусственно нагнетаемая сверху, начала искать выход не только на внешних врагах, но и на внутренних.

Тимофей завел двигатель и медленно поехал в сторону спального района, где жили его родители. Его отец, Николай, и мать, Елена, были самыми обычными людьми. Всю жизнь они проработали на местном заводе, вырастили сына, исправно платили налоги и никогда не нарушали закон. Но у них была одна особенность, которая в новой реальности превратила их в мишени. Они были Свидетелями Иеговы.

Тимофей не разделял их религиозных взглядов, но глубоко уважал их выбор. Он знал их общину — это были тихие, мирные люди, которые принципиально отказывались брать в руки оружие, не участвовали в политике и старались жить по библейским заповедям.

Проблемы начались не вчера. Еще в апреле 2017 года Верховный суд ликвидировал Административный центр Свидетелей Иеговы в России и связанные с ним местные религиозные организации, признав их «экстремистскими». Тимофей прекрасно помнил сводки первых лет после этого абсурдного решения: сотни обысков, десятки уголовных дел, задержания и реальные сроки. Но тогда, в первые годы после запрета, репрессии носили более выборочный характер. Государственная машина работала медленно, выбирая отдельных жертв для устрашения.

Теперь же, весной 2022 года, ситуация приобрела характер массового психоза. Телевизионная пропаганда, мобилизованная на оправдание внешнего конфликта, попутно усилила градус ненависти ко всем «не таким». Общественные и религиозные организации, не вписывающиеся в официальную идеологию, ежедневно подвергались шельмованию с экранов. Их называли «пятой колонной», «иностранными агентами», «сектантами», работающими на западные спецслужбы.

Тимофей припарковался у знакомой панельной пятиэтажки. Возле подъезда на лавочке сидели две пенсионерки. Одну из них, Антонину Павловну, Тимофей знал с детства. Она часто заходила к его матери за солью, они вместе обсуждали распродажу и цены на рынке.

Тимофей подошел к подъезду, вежливо кивнув:

— Здравствуйте, Антонина Павловна. Как ваше здоровье?

Женщина резко поднялась с лавочки. Ее лицо, обычно добродушное, исказила гримаса безразличия и страха. Она схватила свою соседку за рукав, буквально оттаскивая ее в сторону.

— Не здоровайся со мной, — процедила она, глядя на Тимофея с нескрываемой враждебностью. — Я видела передачу по телевизору. Про вас, про сектантов. Вы там собираетесь, мозги людям промываете. Против государства идете. На американцев работаете. Тьфу!

Она демонстративно отвернулась. Тимофей замер, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Он мог бы взломать любой сервер, мог бы найти компромат на любого чиновника, но он был абсолютно бессилён перед этой стеной слепой, телевизионной ненависти, которая сожрала разум соседки. Это была планомерная дегуманизация. Людей лишали человеческого облика, превращая их в абстрактное зло, которое можно и нужно ненавидеть.

Он молча открыл дверь подъезда и поднялся на третий этаж.

В квартире было тихо. Мать сутилась на кухне, но ее движения были нервными, дергаными. Отец сидел за кухонным столом, глядя в одну точку. Перед ним лежал чистый лист бумаги и шариковая ручка.

— Привет, — Тимофей сел напротив отца. — Что происходит?

Николай тяжело вздохнул, потирая уставшие глаза. Он выглядел постаревшим лет на десять.

— Меня увольняют, Тима. Точнее, просят написать по собственному желанию.

— За что? Ты проработал в этом цеху двадцать пять лет. У тебя высший разряд.

— За то, кто я есть, — горько усмехнулся отец. — Сегодня утром мастер вызвал меня в каптерку. Сказал, что коллектив отказывается со мной работать. Люди, с которыми я делил обед десятилетиями, пошли к начальству и написали коллективную жалобу. Написали, что им страшно находиться рядом с «экстремистом». Что я якобы могу устроить диверсию на производстве.

Мать тихо заплакала у плиты, вытирая руки кухонным полотенцем.

— С нами перестали разговаривать в магазине, Тима. Вчера в поликлинике врач отказалась выписывать мне рецепт на лекарства от давления. Сказала: «Пусть вас ваш Иегова лечит, предатели». Откуда в людях столько злобы? Мы же никому ничего плохого не сделали.

Тимофей сжал кулаки под столом. Социальная изоляция сжималась вокруг его семьи, как удавка. Это не было случайностью. Это был результат методичной работы тех, кто формировал информационную повестку.

— Собирайте вещи, — твердо сказал Тимофей. — Самое необходимое. Документы, деньги, лекарства.

— Куда, сынок? — испуганно спросила мать. — Мы никуда не поедem. Это наш дом. Все образуется. Люди просто напуганы новостями, это пройдет.

— Это не пройдет, мам. Это только начало.

Тимофей вышел в свою старую детскую комнату, плотно закрыв за собой дверь. Он достал из рюкзака рабочий ноутбук, подключил резервный модем и вышел в защищенную сеть. Ему нужны были факты. Ему нужно было понять масштаб того, что надвигается на его семью.

Он открыл базы данных правозащитных центров, агрегаторы судебных решений и профессиональные адвокатские сводки. То, что он увидел, заставило его похолодеть.

Судебная система, игнорируя мирный характер верующих, начала выносить жесткие приговоры. Людей, чья вина заключалась лишь в совместном чтении Библии и пении религиозных песен, приравнивали к террористам. Судьи выносили сроки: шесть, семь, а в отдельных делах и восемь лет колонии общего режима людям разного возраста, включая пожилых верующих.

Но самое страшное происходило еще до судов — на этапе предварительного следствия. Силловые структуры, получив карт-бланш на преследование «сектантов», действовали с показательной, садистской жестокостью. Тимофей открыл один из отчетов, задокументированный адвокатами, и вчитался в текст. Строки били наотмашь своей обыденной бесчеловечностью.

«В дом Калиных силовики ворвались ранним утром в октябре 2021 года, выломав окно в кухне, хотя верующие даже не запирали входную дверь. Осколки оконного стекла рассыпались по полу — на них повалили 52-летнего Ярослава, из его пораненных рук и ног потекла кровь. На мужчину надели наручники и запретили одеваться. “Когда мы попросили вызвать адвоката — над нами просто посмеялись”, — говорит дочь Ярослава Светлана. Осколки стекла из своего тела, сын репрессированных, сам ставший жертвой преследования, извлекал уже в СИЗО. На жалобы, которые подавали его дочь и зять, СК и полиция отвечали отказами».

Тимофей перечитал этот абзац трижды. Осколки стекла в теле. Смех оперативников в ответ на просьбу об адвокате. Отказы Следственного комитета. Это была не просто правовая аномалия. Это была система, нацеленная на физическое и психологическое уничтожение. И эта система прямо сейчас стояла на пороге квартиры его родителей.

Он не мог сидеть сложа руки. Цифровой сбор данных — это хорошо, но ему нужно было оценить физическую угрозу здесь и сейчас. Кто именно накручивает соседей? Кто координирует травлю на локальном уровне?

Тимофей оставил ноутбук, надел неприметную серую куртку и вышел на улицу. Он сел в такси, но не стал заводить двигатель. Вместо этого он достал планшет и открыл локальные группы района во «ВКонтакте» и в Telegram. Он запустил аналитический модуль, который Леша когда-то сделал для выявления повторяющихся публикаций и координированных вбросов.

Модуль быстро отфильтровал тысячи сообщений и подсветил подозрительную связку аккаунтов. Вся ненависть в домовых чатах и районных пабликах генерировалась тремя аккаунтами, которые методично вбрасывали посты о «секте в нашем доме», публиковали фотографии отца Тимофея и указывали точный адрес их квартиры.

Тимофей сопоставил время публикаций с открытыми техническими признаками и местами выхода аккаунтов в сеть. Один из следов вел к публичной Wi-Fi-сети в кафе через два квартала.

Он завел машину и медленно поехал туда. Припарковавшись в слепой зоне от окон кафе, Тимофей достал направленный микрофон и компактный перехватчик трафика. В кафе сидел

молодой парень лет двадцати пяти, в дешевом спортивном костюме. Перед ним лежал открытый ноутбук. Парень пил кофе и быстро печатал.

Тимофей перехватил его сессию. Парень сидел в закрытом чате под названием «Чистый город». «Адрес на Западном отработан», — писал парень. «Соседи прогреты. На заводе старика сегодня слили. Жду дальнейших инструкций». Ответ пришел от пользователя без аватарки: «Отлично. Сегодня вечером переходим к физическому давлению. Нужно, чтобы они поняли: им здесь не жить. Отправь ребят из молодежи, пусть оставят послание».

Тимофей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это была не просто стихийная ненависть соседей. Это была скоординированная травля, управляемая кем-то сверху. Кто-то использовал маргинальную молодежь и проплаченных активистов, чтобы создавать видимость «народного гнева», подготавливая почву для официального визита силовиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.